

ПРЕМИЯ
**РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ**

ОЛЬГА ОЗЕРЦОВА

ТАЛИСМАН
ШЛИМАНА

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-46

Озерцова, Ольга.

О-46 Талисман Шлимана / Ольга Озерцова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Премия Русский Детектив).

ISBN 978-5-04-160006-8

В маленький городок Градонеж приезжает группа ученых-археологов. Они ищут знаменитый талисман Генриха Шлимана, способный помочь разгадать тайну убийства ахейского царя и древних пророчеств. Однако в городке происходит серия странных кровавых расправ. На одного из ученых также совершается покушение... Очевидно, что все эти преступления напрямую связаны с миссией археологов — кто-то не хочет, чтобы она увенчалась успехом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160006-8

© Озерцова О., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Пролог

Археологи — это детективы прошлого.

Агата Кристи

Ведь говорят же, что история — это загадка, бессмысленная и кровавая? Но это неправильно, смысл в ней обязан быть.

Умберто Эко. «Маятник Фуко»

Храни меня, мой талисман.

А. С. Пушкин

Что-то мучило. Я открыл окно, но в такую погоду, кажется, даже асфальт плавится от жгучего солнца. Вспомнил о талисмане Шлимана, выпил вина, лег на диван и попытался уснуть.

И тогда это снова пришло.

Жаркие камни дышали. Раскалялся воздух. Но в дивном дворце было прохладно. Цветы таили счастье в лепестках, таких прихотливых, как морская пена. Там многое было создано будто из пены. Как богиня. И источники, и линии на стенах, и краски. Там. А здесь камни дрожали, горячие. Она потрогала их рукой, и теплота камней дала ей радость. Она поняла, что может сделать это благоговейно.

Жрецы здесь относились к ней с трепетом. Так было и с ее бабкой при Хатшепсут. В этом было что-

то сокровенное. Никто не знал, почему это так. И она тоже не знала. Но ей позволяли так много в стране, где так величественно возносились храмы, и пирамиды, и даже сфинксы. Где Амон-Ра казался им богом и фараон был для них богом. И была в их пустыне страстность. А смерть... Один человек говорил ей: «Умирать не страшно. Если меня похоронят в Египте, священного скарабея положат на сердце. И гробницу покроют яркими красками, изобразят и богов, и цветы, и людей. Прочтут заклинания, споют священные песни. Коль солнце будет светить, не забудет мое Ка эту землю». Она улыбнулась, вспомнив того египтянина, и поправила браслет на тонкой руке. Он любил целовать ее руки. И любил, когда она его обнимала.

Эти люди в Египте... У них своя странность. Их сфинкс величественен, но он улыбается. И его улыбка... Кто знает, может, потому, что так улыбается сфинкс, она и решила сделать это. А их жрецы ей все позволяли.

Она каждую ночь поднималась на пирамиду Джосера¹ — по камням, еще теплым от жара. И хранили горячую тайну святыне ступени. Иногда с ней был и тот египтянин...

Я встал. Когда это началось? С тех пор, как ко мне стало приходить прошлое в своей первозданной красоте и жестокости? Когда я понял, что все продолжается?..

¹ Самая древняя пирамида, ступенчатая, находится в Саккаре. По преданию, ее архитектором был Имхотеп. — *Здесь и далее прим. авт.*

ТАЛИСМАН ШЛИМАНА

Выпить бы еще чего-нибудь холодного. Я достал из холодильника еще одну бутылку вина, налил его в бокал и задумался: «В такую жару трудно работать. Как же они в Египте и на Крите все это создавали?.. Хотя, наверное, именно в этом солнечном пекле и приходит особая ясность». Отпил терпкого красного вина. Какой, однако, острый и жгучий привкус у слова «тайна».

Взглянул на ксерокопию рисунка на минойской гемме, лежащую рядом с компьютером, и вспомнил странного человека, подошедшего ко мне на конференции. Зачем он отдал мне эту необычную картинку? И его история, в которой причудливо соединились коммерческий расчет и вера в таинственный талисман из Атлантиды, якобы найденный Шлиманом и помогший ему сделать археологические открытия в Трое и Микенах, тоже удивила. Почему он обратился именно ко мне?

«Надеюсь, он не знает, что со мной происходит. Я хорошо помню, что началось это раньше той странной встречи на конференции. Кажется, ты тоже что-то почувствовала. Вчера в твоём голосе даже через телефон, с другого конца Европы, слышалась тревога. Допишу письмо, постараюсь объяснить тебе что-то, еще не до конца понятное мне самому».

Ничего особенного не случилось, не волнуйся.

Кстати, я получил грант, о котором ты спрашивала. Все-таки я могу позволить себе кое-что необычное. Моя научная репутация и не такое выдерживала. Мне

только на пользу то, что с нами (со мной и моими учениками) происходит. Если это услышать, можно найти просветление и очищение. Если услышать...

Когда это началось? Старый жрец говорил, что я должна таить это.

Мой путь прихотливее, чем путь жрицы, о египтянин.

Не знаю, когда это будет.

Не знаю, кто это.

Но я вижу.

Я поднимался по черным ступеням. Потом долго лежал. Боль как будто снилась.

В тяжелом бреде мне казалось, что я какой-то мечущийся комочек нервов, который вся Вселенная жжет и бьет своими вихрями, камнями, холодом, дождем — всем, что есть в ней. И я живу, потому что я — чувство, последнее чувство жизни.

Боль. Мне было невыносимо.

И вдруг в какой-то момент я вспомнил... И встал.

Я снова шел по черным ступеням, оставляя своими ногами в язвах кровь и гной.

Я шел... Я... шел.

Я уже не проклинал.

Внизу безбрежная темнота расползлась по пустыне. И что-то неясное, как призрак, даже не светилось, а слабо мерцало вдали. То ли свет каравана, то ли костра. Может, мне казалось...

Тень ночи захватила пустую безбрежность пустыни.

ТАЛИСМАН ШЛИМАНА

Но понял я — рассвет придет,
рассвет приходит,
он извечен.
И спокойно шел вдаль.

Мне нужно идти, я хочу встретиться с моими учениками.

Я дописал и отпил из бокала, размышляя: «Лучше не буду сейчас ничего рассказывать ни им, ни тебе. Может быть, позже, когда эта странная загадочная история как-то прояснится. Ученики мои отнеслись ко всему так же доверчиво и просто, как в давние студенческие годы, когда я предлагал им темы курсовых или дипломов. А если мои коллеги начнут замечать что-то непонятное, я постараюсь облечь то, что мы сейчас делаем, в привычные традиционные формы — статьи и популярные издания... Тот странный человек с конференции, оказавшийся бизнесменом, говорил еще о проклятии Эхнатона, Атридов, об ахейцах, дорийцах, шумерах, и, что интересно, он был уверен — это принесет ему финансовую выгоду. Поэтому он был удивлен моим отказом. Конечно, лучше пока не писать тебе о том, что у нас тут творится. Моя поздняя любовь, ты, пришедшая в мою жизнь, когда я уже так немолод. Пусть твоя жизнь будет безмятежной».

И я добавил в письме:

Извини за сумбур. Надеюсь, ты простишь мой стиль — от этой жары у нас даже мысли путаются.

Встретиться с учениками мы должны за городом, в такую погоду мы решили обсуждать все на природе...

Глава 1

ДРЕВНИЙ УЖАС

Окна в машине были открыты, и сухой треск охватывал все вокруг. Запах горячей травы, оглушительный стрекот кузнечиков были везде. Он вспомнил, как раньше любил приезжать на дачу. Покой здесь — как в детстве снится, безмятежный. Тихо так. Будто и боли на свете не бывает. Казалось, чего же лучше, живи и живи, хорошо так. И статьи он даже там писал. А потом...

Что же это было? Такая оборванная и странная мысль. Он никак не мог ее додумать. Что-то есть в ней важное и очень простое. И такая нестерпимая тоска...

И с той страстью, с которой люди строили пирамиды и высокие храмы, он пытался понять.

— Александр Владимирович, как вам эта жара? — спросила у профессора Анна, его ученица.

— Хорошо, что мы вырвались из Москвы. Университет весь раскален. Посмотришь из окна — вдали даже голубая дымка, — сказал Глеб, который, как и Анна, в свое время был аспирантом профессора. Втроем они шли по тропинке к реке. — Хочется куда-нибудь уехать. Да хотя бы в маленький городок

Градонеж. Там, наверное, не так жарко. А еще там ходят легенды про сокровища, камень и талисман.

Аня пожала плечами:

— А кто туда последним из наших коллег ездил, ты не забыл? Афанасий Никитич! Смерть у него была странная, утонул в болоте. Что-то не верится, что это несчастный случай. Может, он что-то там и нашел, но это ему не помогло. Уж не расследовать ли его гибель хочешь?

— Да нет, Градонеж — это, скорее, история про сокровища. Впрочем, там, кроме болот и странных камней, есть и озеро, и речка.

— Речка — это хорошо, а то мне сегодня аудитория попала на солнечной стороне. А уж как наши ученики стали изобретательны! Им удалось заболтать меня даже на экзамене, устроили дискуссию на тему, что чувствовал древнерусский книжник. «Вы знаете, Анна Георгиевна, мы же все равно не сможем понять, что они там себе представляли, думали в двенадцатом веке, когда писали». А другой с задней парты: «Так они для себя писали!»

— Анечка, еще мой покойный учитель говорил: «Если вас ученик спросит, из скольких камней построен Успенский собор, совсем не обязательно ему отвечать».

— Он хотел что-то почувствовать, Александр Владимирович, ведь действительно, знаем ли мы, что они ощущали в Средневековье и древности на самом деле?

— Думаю, Аня, он своего добился и ты поставила ему пять баллов за живость чувств.

— Да, но он же и тексты читал. И потом, как говорится, я так долго объяснял ученикам, что сам начал понимать. А вам не кажется, что мы в самом деле модернизируем сознание древних? Может быть, мы, по словам наших учеников, по-современному объясняем то, что думал древнерусский мужик. А если еще раньше — египтянин, житель Крита...

— В чем-то вы, Аня, правы. Пусть ребята пытаются что-то понять. Уже одно желание похвально. Пожалуй, и французская школа «Анналов» возникла, когда историки захотели объяснить, чем представления (то есть ментальность) древних отличались от наших. Иногда и мне приходит в голову, что мы читаем рукописи, пишем диссертации, учим учеников, а можем ли мы действительно услышать древних — как они чувствовали, любили...

И ее сладостно яркие губы все улыбались...
Вспыхнув, заблистали алтари и камни.
«Кто ты, скажи, я обнимаю богиню?»
«Разве у богини горячие губы?»
Я могу рассказать,
где родилась и какого рода». —
«Сладостен вкус твоих губ, будто
сок плода, что не насыщает. Ты уходишь?
Я хочу дальше знать песню твоего тела».
Благоуханная страстность страны у Нила.
Ветер шелестит в песках Египта.
Слышишь песню их уст —
поют уснувшие сфинксы.
Вам, живущим в песках, не понять тоску у моря.

ТАЛИСМАН ШЛИМАНА

Поцелуй волну, удержи ее чувственный трепет.
Он нежней, чем вздох груди от желанья.
Я иду по горячим пескам, и растаял
вкус тех поцелуев.
О, великий Озирис, научи не забыть
этот вкус перед смертью!
После гибели мира!
Храм разрушен, алтарь мой — песок и камни.
Я хочу увидеть, о друг мой дальний,
будешь ли ты о нас помнить¹.

— Да, в такую жару чего только не начинает казаться. А если еще и экзамены принимать... Как хочется к морю!

— А мне в Градонеж, — снова пожаловался Глеб.

— И об этом я тоже хотел с вами поговорить. Идите сюда, здесь тень. Кабинет у нас будет под теми двумя соснами. Между прочим, мы с вами сидим прямо на селище двенадцатого века. А вот тут у них была пристань.

— Смотрите, даже керамика!

— Какой черепочек!

— Насколько вещи долговечнее людей. Даже обидно — столько поколений ушло, а какой-то кусок горшка остался.

Сосны шумели тихо, кора у них была золотистая, теплая от зноя. Птицы пели.

¹ Любовная лирика Древнего Египта — одна из древнейших. Например, на гробнице Эхнатона было найдено послание. Обращено оно к Нефертити или к другой его жене, мы не знаем.

— Как они называли в летописях эту разноголо-
сицу?

— «Птицы разнообразные».

Земля таит в себе следы пепла, боли, разбитую посуду, украшения. И были «мужи мудри и смыслени»¹, а кругом был лес и бор велик. По реке плыли ладьи к высокому берегу. Рубили лес, строили храм и ловили зверя. Пировали с князем и дружиной. Была жизнь.

— Семинар мы устроили на хорошем месте, Александр Владимирович, может быть, и мысли к нам придут гениальные.

Глеб относился даже к профессиональным разговорам с эпикурейской жизнерадостностью и юмором. Его волосы и борода, густые, с проседью, и плотная фигура контрастировали с внешностью профессора, который был сед, подтянут и худощав.

В красивом лице Анны было что-то тревожное. Она с ожиданием смотрела на Александра Владимировича. На самом деле, зачем надо было встречаться в такую жару? Что случилось? Ее, по выражению Глеба, «высокопоставленный муж» относился к идеям профессора насмешливо, и это ее хоть и раздражало, но иногда заставляло задуматься. Они с Глебом давно знали своего учителя и любили его. В натуре Александра Владимировича чувствовалось обаяние академизма старой школы, которое передалось ему еще от учителя его учителя в традициях России XIX века.

¹ «Повесть временных лет».

В соединении с опытом существования в культуре советской эпохи это приводило к особой широте взглядов, так восхищавшей зарубежных коллег. Но иногда вспыхивала огнем в его глазах сдержанная эмоциональность, и в этом было что-то влекущее, чувствовалось в его лекциях, работах и было хорошо знакомо ученикам. А теперь появилось еще нечто неожиданное. Профессор отказался от курса лекций, добился гранта, привлек их к своей работе. Из эгоистических соображений последнему надо было бы только радоваться, но очень хотелось понять, что все-таки за этим стоит.

— Итак, друзья мои, я хочу осмыслить гибель древних цивилизаций. И еще... А здесь тоже жарко, лучше пройдемся вдоль реки, там хотя бы ветерок.

Они пошли по берегу.

— Вы знаете, я могу себе это позволить. У меня уже столько научных работ! Вы тоже многого успели достичь. Мы делали все как надо, вполне традиционно, но есть еще кое-что. Я понял, что самое интересное происходит на грани. Существует же загадка тайны, такой литературный прием — тайна, нечто жгучее. И самое заурядное произведение влечет, если в нем есть эта закваска. Я хочу понять, что нас всех зовет.

Там, где кончается боль и начинается песок, мягкий и теплый. А потом — шершавая подстилка из хвои. Где твои губы не язвят, а целуют. И летит песня твоя над фиалково-синим морем.

— Кстати, я под это не только получил грант, но и нашел спонсоров. К вопросу о море — хочу, чтобы мои ученики тоже увидели древние памятники своими глазами.

— Я понял. Нам надо написать бестселлер, чтобы жить в хороших отелях.

— А почему бы и нет? Кто сейчас только не пишет. А мы хотя бы историю знаем.

— Подождите минутку, я, кажется, забыл мои записи на месте древней пристани.

Когда профессор отошел, Глеб сказал:

— Тема наша мне нравится, раньше таких у нас не было — широкая, занимайся чем хочешь: «Влияние культур и цивилизаций древности на литературу и искусство XIX—XX веков». Плюс командировки. Хорошо! Люблю путешествовать!

— Во всем этом знаешь что радует? Я надеюсь, наш шеф не предложит нам ехать куда-нибудь вроде Ирака.

— Кто знает...

Я смотрел на своих учеников, нарочно отойдя в сторону, чтобы еще раз обдумать, как с ними лучше говорить, не рассказывая всего и не вовлекая во что-то, возможно, небезопасное. А ведь поначалу тому человеку удалось заинтересовать меня, особенно копией необычного минойского рисунка.

Случилось это на прошлой неделе. Он сел рядом на конференции и несколько раз пытался со мной заговорить. Он невысок, полноват, с острой короткой бородкой. Мне запомнились его улыбка и нечто особое в манере общения, какая-то скрытая то ли на-

глость, то ли развязность, которая не сразу проявляется, когда человек в ком-нибудь заинтересован, как он был заинтересован во мне тогда. Хотя даже вначале он с напором говорил странные вещи.

— Я читал ваши работы. В последнее время вы ведь что-то ищете?

Чтобы как-нибудь от него отвязаться, я неожиданно для самого себя ответил:

— Тайну Атлантиды.

Лучше бы я этого не говорил — похоже, он совсем не понимает шуток. Он был ошарашен, брови поползли вверх. Но я в этот момент отвлекся, докладчику задали интересный вопрос, а когда снова обернулся к моему собеседнику, он пристально смотрел на меня.

— Значит, так оно и есть. Он был прав. Вы и про Шлимана знаете?

— Вы, наверное, меня не так поняли. Это была шутка.

— Но ведь вы интересуетесь Шлиманом и крито-микенской культурой, а гипотеза о связи Крита с Атлантидой сейчас многими разделяется.

— Я смотрю на это несколько иначе. Да и причем тут Шлиман?..

Объявили перерыв, все поднялись и пошли в буфет. Я тоже хотел встать, но он гордо положил передо мной лист бумаги, и я, озадаченный, остался. На ксерокопии я разглядел два нечетких рисунка и две надписи. Изображения отличались изяществом линий и выразительностью фигуры лежащего мужчины и мелких деталей.

— Что вы об этом думаете?

— Похоже на копию рисунка на гемме или фреске минойской эпохи. Длинная надпись — линейное письмо А, короткая — иероглифы на Фестском диске. Я не специалист конкретно в этой области, но из того, что я видел, не припоминаю подобного сюжета.

— Вы не могли этого видеть, о нем знают очень немногие. А что вы скажете о лежащем воине? Там, вдали, посмотрите, мелко изображен еще кто-то. Похоже, здесь показано какое-то страшное преступление древности.

— Да, очень выразительное изображение. Не знаю, может быть, мужчина на первом плане действительно убит или принесен в жертву. Вот тут, рядом с ним, — четкий знак лабриса, священного топора. Скорее всего, это жертвоприношение. Но даже если это преступление, убийство, почему оно вас так интересует? Не собираетесь же вы расследовать то, что произошло более трех с половиной тысяч лет назад?

— Не расследовать, а искать. У меня есть другая версия. — Глаза его как-то странно блеснули. — Это предупреждение. Может быть, даже магическое предупреждение. Убитый поплатился за то, что узнал или стремился раскрыть некую тайну, заключенную в этом слове, в этой надписи. Может быть, тайну Атлантиды, почему нет.

Я разочарованно посмотрел на него:

— Я не говорил про Атлантиду. Но надпись действительно интересна. Откуда это у вас?

Он гордо взглянул на меня:

— От Шлимана. Мне пришлось проделать некоторые архивные изыскания, и, как видите, небезус-

пешно. Не кажется ли вам, что это может быть чем-то вроде Розеттского камня для Шампольона?

— С той лишь разницей, что и линейное письмо А, и иероглифы не расшифрованы. Объяснить одну загадку через другую невозможно.

— Разрешите подарить вам эту ксерокопию. Мы надеемся на сотрудничество с вами.

— В чем? Я специалист по Средневековью, а тема, которой я сейчас занимаюсь...

Я не договорил.

— Вы ученый, интересующийся Шлиманом и Критом. Кроме того, есть еще одна причина, я скажу о ней позже. Вы спросили, откуда это у меня. Мой шеф, весьма влиятельный бизнесмен — кстати, у него самые широкие интересы, в том числе в области литературы и культуры, — некоторое время назад дал мне задание поискать документы по своей генеалогии и всему, что с ней связано. Ну, знаете, сейчас многие такими вещами интересуются. Я поработал в архивах, но никаких документов о титулах или особых заслугах его предков не нашел. Но отыскал кое-что, что его очень заинтересовало. Мой шеф оказался потомком человека, близко знавшего Шлимана, а потом и его детей, живших в России. Он был не только знаком со знаменитостями, но и сам являлся яркой личностью и, более того, возглавлял некое движение или, скорее, организацию, название которой вам знать не обязательно, назовем их условно «дорийцами». Она была довольно влиятельной, но даже вам, думаю, о ней неизвестно, потому что, с одной стороны, они не афишировали свою деятельность, а конспирировались, а с другой — кто бы ее заметил, ведь Россия

со второй половины девятнадцатого века буквально бурлила колоритными личностями и группировками. Тут и нигилисты, и нечаевцы, и террористы, теософские общества, а там еще и Блаватская — все себя рекламировали в разных формах и весьма шумно. Так вот, деятельность организации того человека была как-то связана со Шлиманом. Я нашел его воспоминания, где он рассказывал, как пытался помешать Шлиману, остановить его, отговорить от занятий археологией, путешествий, развода с Екатериной, а вот с детьми Шлимана, с его сыном Сергеем, он, кажется, впоследствии сотрудничал. В его бумагах я и нашел этот рисунок, который передал ему Сергей Шлиман, получивший его от отца.

— Но если это не фальшивка, подобно открытой в тысяча девятьсот двенадцатом году амфоре, в которой якобы лежали предметы из Атлантиды, найденные Шлиманом и спрятанные его детьми¹, почему бы вам этот рисунок не опубликовать?

Глаза моего собеседника почти хищно блеснули.

— У нас другие цели. Но как интересно, что вы упомянули о тех предметах из Атлантиды! Значит, он прав и мой шеф не зря ему верит. Мы хотели бы сотрудничать с вами. У нас большие возможности, мы можем предложить такое финансирование, какое вам и не снилось.

— Но чего вы, собственно, от меня хотите?

¹ Люди долго верили в эту талантливую подделку, возможно, потому, что она опиралась на реальные странные и загадочные моменты в судьбе Генриха Шлимана. Подробнее см. в Примечании.

ТАЛИСМАН ШЛИМАНА

— Сейчас расскажу. То, о чем писали журналисты в начале двадцатого века, действительно было подделкой, но ее смогли сделать именно потому, что кто-то знал или предполагал, что где-то существует настоящий талисман Шлимана из Атлантиды, что-то вроде философского камня, в котором скрыто тайное знание древних. И, по словам того человека, сын Шлимана ему об этом говорил. Вы нам можете помочь в его поисках.

— Вы ошибаетесь, — ответил я с холодной вежливостью, — я не верю в талисман из Атлантиды.

— Но подумайте сами! Ведь многие пишут, что удача Шлимана почти сверхъестественна. Он, как царь Минос, превращал в золото все, до чего дотрагивался. Два величайших открытия, два огромных клада, троянский и микенский — это сделал человек, не имевший приличного образования, коммерсант, не археолог. Так вот, возможно, в одном из своих путешествий, еще до раскопок Трои, скорее всего в Египте, он и нашел его. Кстати, в Египет он ездил и в конце жизни. Правда, есть версия, что Шлиман обнаружил талисман в России. Ваш коллега, Афанасий Никитич, искал его в Градонеже. Наверное, то был талисман с Крита, а Крит, как признают многие современные ученые, и есть Атлантида, или, как считают другие, наследник тайной мудрости Атлантиды наравне с Египтом. Обратите внимание, вся история с троянским кладом окутана мистической дымкой, начиная с того, как Генрих с женой Софией тайно вывозили сокровища из Турции в платьях Софии, потом в Греции прятали их в разных местах. Тут могло случиться что угодно. Кстати, в двадцатом веке —

опять мистика, опять странная судьба у троянского клада! — он исчез на многие десятилетия и только сейчас был выставлен в Музее изобразительных искусств. Тут много тайн. И существование талисмана их объясняет.

— В одном я с вами согласен, открытия Шлимана — это действительно загадка, которую мы не замечаем и мимо которой проходим. Почему именно ему удалось их сделать, почему минойская цивилизация, погрузившись в забвение, была открыта только спустя три тысячи лет и почему вообще была открыта? В этом есть тайна. Но я подхожу к ней совсем с другой стороны.

— Не важно. Наверное, так даже лучше. Вы знаете, экстрасенс, с которым мы работаем...

«Так, — подумал я, — уже близко к моему Средневековью — теперь появляется придворный колдун. Чего только нет у наших «новых русских»!»

— ...сказал, что именно вам и вашим ученикам тайна будет открыта, он даже предрек где. И то, что вы не верите в то, что мы ищем, пожалуй, даже удобнее. Но что насчет финансирования и сотрудничества? У нас есть разные проекты, которые могут вас заинтересовать.

Поначалу я воспринимал его слова с юмором, хотя он не был похож на тех людей, увлеченных то Велесовой книгой, то поисками автора «Слова о полку Игореве» или Атлантиды, работы которых мне приходилось рецензировать. Но чем дальше, тем все более я чувствовал, что он другой породы. Здесь было что-то иное, и это начинало беспокоить меня.

Он вдруг предложил мне еще и участие в своем новом издательском проекте.

— У знакомого Шлимана есть последователи. Смотрите, какая интересная книжная серия, она будет просто притягивать успех! Наш отдел маркетинга просчитал, что тут возможна огромная прибыль.

Прочитав заголовок рекламного проспекта, который он мне дал («Проклятия и зло в истории человечества. Новый исторический проект»), я заметил:

— Извините, я готическими романами и ужасами не интересуюсь.

— Вы не поняли. Эти издания будут опираться на реальные исторические факты. Нужно только осветить их и вскрыть заложенный в них смысл. Одна из тайн истории — что, если есть идущая из древности некая огромная разрушительная сила, и эта энергия, эти флюиды разрушения действуют и сознательно, и бессознательно? Сознательно — проклятие, жрецы, проклинаяющие Эхнатона и разбивающие его статуи, проклятие Атридов и многое другое. А бессознательно — дорийцы, гунны, готы. — Глаза его сверкнули. — Это сила древняя. Вы сами знаете, что в том периоде древней истории, которым вы сейчас занимаетесь, люди еще не придумали имени зла. Дьявола изобрели много позже.

Когда этот странный человек говорил о проклятии зла, меня не покидало ощущение, что он знает, о чем говорит. И историко-культурные обоснования, которые он подвел под свой издательский проект, нельзя было назвать ни примитивными, ни безумными. Не ограничиваясь чисто коммерческими выкладками, он говорил о вещах, от которых мне ста-

ным. Более того, он неожиданно стал мне угрожать. Выслушав его, я заметил:

— У каждого свой путь. Я предпочитаю возделывать свой сад.

— Какой сад?

— Это из Вольтера. Надеюсь, вы понимаете.

— Вы совершаете ошибку. У вас чересчур романтическое отношение к жизни. Весьма несовременно.

— Кто знает. В каждом времени есть элемент вечности. Когда изучаешь другие эпохи, это особенно чувствуешь. Однако для меня в нашем времени и в сегодняшней ситуации есть свои плюсы. Все кругом откровеннее. Знаете, что больше всего поражает меня в диалоге Платона, о котором мы только что говорили? Место, на которое почему-то не обращают внимания, мне кажется интереснее даже легенды об Атлантиде из того же диалога. Это рассказ египтянина о том, что цивилизации много раз возникали и гибли, не оставляя следов и «как бы неотступуя». Так вот, именно эта немота меня пугала. И теперь, когда заклятие немоты почти снято, я уже ничего не боюсь.

— А зря, профессор. Вы не очень хорошо понимаете ситуацию. Если раньше запрещали цензоры и редакторы, то теперь есть другие способы. Нам стоит только шевельнуть пальцем...

— Вы что, киллера ко мне подошлете? — спросил я с иронией.

— Возможно, тут хватит и домушника. Разные есть способы. С людьми ведь всякое может случиться. Вот и ваш коллега, Афанасий Никитич, в болоте.

Я вздрогнул. В последнее время отношения с Афанасием у меня были не очень хорошие, но его

внезапная смерть... Кстати, незадолго до этого он говорил что-то странное про какой-то талисман в Градонеже. Знал ли мой собеседник об этом?

Он между тем закончил:

— Ваш отказ — не только финансовая глупость. Он опасен.

Я взглянул на подошедших учеников, услышал их смех, и воспоминание о том разговоре поблекло. Они спросили, не хочу ли я послать их на раскопки в Ирак.

— Придется, Анечка, ограничиться археологическими публикациями. И все же представьте себе то, что раскопал Вулли: замурованные в могиле царицы, прекрасные женщины, в драгоценностях, под звуки арф выпивают яд.

— Мило.

— Я бы даже сказал, круто.

Наступил вечер. Мы разулись, пошли босиком. Травы, высокие и влажные, тихо опутывали ноги. А теплый песок мягко щекотал их.

— Хорошая мысль — гулять и разговаривать. Не зря они в Древней Греции такое придумали.

— Греки, ахейцы, минойцы... В идее о связи Атлантиды и минойской цивилизации на Крите что-то есть. Знаете, когда я читал Жака Кусто, мне запала одна фраза: «Я охвачен страстью. Это не костерок из сухотравья, а глубокий интерес к истории, который овладевает и разумом, и сердцем. У меня создается впечатление, что едва изученная минойская культура зовет меня из глубины веков. Мне кажется, меня как магнитом притягивает она».

— Между прочим, один знакомый археолог рассказывал мне: иногда ему кажется, что археологические открытия не случайно происходят в какой-то определенный момент — древние как бы хотят, чтобы их раскопали.

— А у вас нет чувства, что Атлантида и минойская культура так влекут нас, потому что это «проблема «Титаника»? Чингиз Айтматов говорил: «Главное, чтобы с человечеством не произошло того же, что с «Титаником». А ведь он прав — такая гибель, когда ничего не останется, пугает больше, чем конец света и Страшный суд. Словно предупреждение: зла так много, что мир может погибнуть.

— Цивилизации уже много раз возрождались и гибли, «как бы немотствуя». Помнишь, в рассказе египетских жрецов у Платона?

— Да, в безмолвии для потомков. Может быть, это страшнее всего.

Удивительно, оказывается, мои ученики тоже обратили внимание на то место из диалога «Тимей».

— Но осталась же легенда саисских жрецов об Атлантиде. И сквозь немоту прошлого кое-что доходит.

— Знаешь, по мне, минойская цивилизация была красивее, чем описание Атлантиды у Платона, как живой цветок лучше философского софизма. Насколько я помню, оно довольно сухое...

— Сухое или нет, оно многих волнует. Только книг и статей по одной Атлантиде насчитывается несколько тысяч.

— Да, кстати, я недавно встретился на конференции с одним атлантоманом и подумал — очень инте-

ресно, почему вдруг некоторые явления, легенды и сюжеты начинают вызывать у всех такой жгучий интерес. Они могут быть самыми разными — от Атлантиды до современных бестселлеров. Помните, Глеб, мы с вами говорили, любопытно было бы посмотреть структуру бестселлеров в нашем российском варианте? Для начала напишите, пожалуйста, эссе или статью на эту тему.

— А потом по твоему рецепту, Глеб, еще что-нибудь. Я уже поделилась вашей идеей, Александр Владимирович, с друзьями. Они сразу спросили: «А труп будет?»

— Да, как же с трупом, Александр Владимирович? Без него не обойтись!

Почему-то мне вдруг вспомнился человек, изображенный на минойской гемме.

— Относительно жертв преступлений, попробуйте сравнить, Глеб, современные бестселлеры с древнегреческой трагедией.

А потом я вспомнил Афанасия и его гибель в болоте. До древнегреческой трагедии тут было далеко.

— И назовем статью «От древнегреческой трагедии до бестселлеров».

— Хорошо бы еще приправить это каким-нибудь родовым проклятием, чем древнее, тем лучше. Вроде проклятия рода Атридов или фараонов.

— А вы знаете, почему всегда только проклятие? Почему не благословение, посланное сквозь века?

— Интересная мысль. Об этом надо подумать.

— Раз бестселлер, нужны еще голые женщины. Обнаженные, я хотел сказать.

— Ну уж это по твоей части, Глеб.

— Кстати, то, что сейчас крутят по телевизору, никого уже не интересует. Должно быть что-то запретно-трепетное, как в Средние века. Даже туфелька под длинной юбкой их очень возбуждала.

— Глеб, не заменяй нам эротику башмаками. Уж лучше какие-нибудь магические обряды, их как раз совершали нагими.

— Ань, идея — критянки, длинные широкие юбки и обнаженная грудь...

— Пожалуй, вы правы, Глеб, даже я прочувствовал.

— А назовем это, Александр Владимирович, мистико-магическим эротизмом.

— Ну, с этим, я думаю, у нас будет все в порядке. Но нам еще надо постараться понять и услышать, ведь самое интересное происходит на грани. Надо быть свободными. Мы дадим себе полную свободу в чувствах, стиле, в восприятии древних цивилизаций. Хотя почему-то даже мне немного страшно...

— Скажи мне, чего ты боишься?

— Отпусти мою руку, о египтянин. Я не боюсь, с чего ты взял? Я спокойна, но покой этот странен, как будто я что-то сейчас услышу.

— Что ты можешь услышать, прекрасная дева? Как к лицу тебе наше платье! Все же странен другой твой наряд, привезенный с Кефтиу¹. Дай мне руку.

¹ Так в Древнем Египте называли остров Крит.

Одно в вашем платье дивно красиво. Ваши девы открывают грудь ветру и нашим взорам.

— Ты смеешься надо мной, египтянин. Мы раскрываемся звездам, богам и солнцу. Наше сердце, дыхание и кожа открыты миру. Если и вы вдруг взглянете — это случайность. Но я сегодня не хочу шутить. Ты пойдешь со мной по ступеням Джосера? У меня чувство, будто, когда я поднимаюсь по ним, иду ввысь, к небу. Еще ступень, и сейчас услышу...

— Что услышишь?

— Не знаю. Какой-то ветер...

Ты слышишь?..

Тихо и жарко. Пошли.

Тихо и жарко в Фестосе. И ветер тысячелетий шумит. Когда мы приехали на экскурсию, солнце пекло нещадно. Но если отойдешь от королевского дворца туда, к руинам покоя принцессы, — ветер крутит, срывает шляпу, он жаркий.

Что это было?

— Письма нашего учителя становятся все непонятнее. С ним творится что-то странное.

— Мне тоже так показалось. Это происходит с тех пор, как он уехал на Крит. Я думала, он поедет отдохнуть, а он...

— Он хочет понять загадку.

— Южный климат не для него. Вместо того чтобы купаться в море, он стал ездить по раскопкам... А знаешь, со мной тоже что-то такое случилось.

— С тобой? Что?

— Да так. Я шла в университет, смотрела, как шелестят ветви деревьев у дороги, и вдруг в душе возникло давнее, дальнейшее чувство, какая-то огромная внутренняя наполненность мира. Синий вечер, тонкие ветви, фонари, врезающиеся в глубь неба. Большое здание темнеет неровной причудливой громадой, его ярко-желтые окна призывно горят. Тысячи смехов, объятий, боли. И тут, как поется в студенческом фольклоре, «на фоне величественного здания МГУ появляется мятущаяся фигура студента». Я поднимаюсь по ступеням в главное здание и вдруг вижу нашу ученицу со второго курса. Она бежит торопливо, спотыкается, падает, быстро вскакивает, подбирает со ступенек выпавшую из сумки хрестоматию. Глаза у нее светлые и тревожные — спешит на свидание, а завтра экзамен. Наверное, эти ступени не забыли и мои глупые шаги, такие же юные... Глеб, ты помнишь эту жгучую жажду счастья? Казалось, умрешь без него, любишь всех людей, и будто чувствуешь — счастье на земле...

— Встать, что ли, на ту же ступеньку памяти, что и ты... Вот, очень ясно вижу, как утром мне не хочется просыпаться — нет ничего противнее пробуждения во время сессии. Натягиваешь на голову одеяло, будто это может спасти от экзамена или удержать в голове исчезающие знания. За завтраком пытаешься впихнуть в себя еще сто страниц, а потом плюешь и думаешь, вдруг на экзамене осенит. И ведь осеняло.

— Ты что, хочешь сказать, что никогда не бегал на свидание вместо того, чтобы готовиться к сессии?

— Хм-м... Знаешь, а я ведь действительно не забыл свое чувство на первых курсах. Сейчас мало кто поверит, что со мной могло быть такое. Странно, прошло столько лет, а мне иногда хочется вспомнить мою первую боль, понять ту юную любовь.

Сколько народу... Хоть бы на минуту ее увидеть! А зачем, собственно, она отвернется? Я за ней не побегу. Может быть, только поздороваемся. Я начинаю сомневаться, что она существует, и в то же время всматриваюсь, ища ее за пуховыми воротниками, хоть эти встречи нам ничего не дают, мы чужие... И неизвестно, кто еще больше виноват. Я иду на лекцию, поднимаюсь по лестнице, боюсь и хочу случайно ее встретить. Мне кажется, стены от этого желания должны растопиться, и тогда она почувствует. Вернее, я не ищу, не жду. Но эта бесконечная толпа, эти люди — среди них ведь может быть она...

— В общем, Ань, ты права, в студенческой жизни есть что-то волнующее, как хорошее вино. Кровь слегка шумит, хочется петь «Гаудеамус», «Возрадуемся»... Друзья мои, осторожнее!

— Ой, извините, — сказал поднимающийся по лестнице ученик.

— Чуть не выбил у меня из рук дипломат! Между прочим, с материалами для Александра Владимировича!.. Куда это они бегут? — спросил Глеб, провожая взглядом шумную ватагу учеников.

— Думаю, в буфет или на дискотеку. Сомнительно, чтобы на лекцию.

ТАЛИСМАН ШЛИМАНА

Ступенька — подъем, ступенька — паденье. Нас много, мы живем, мы разные, нас очень много. Поднимемся по ступенькам ко входу... Кто мы, что мы, куда мы идем?

Жизнь — в трепете веток, чувстве голода и ветра, развевающего волосы, перехватывающего дыхание; в ошибках, в звездах, отраженных в грязных лужах.

Ступени стираются человеческими шагами и все помнят.

Странный, страстный дождь. Холодные капли падают на лицо, будто оставляя ожоги. Такое чувство, будто надо вырваться куда-то, будто голод, душа словно полна до краев какой-то прохладной чудной влагой. Говорят, что нельзя жить без хлеба, воздуха и воды, но разве человек может жить без счастья?

Ожидание встречи, непонятость, лихорадка, жизнь — сладостью, горечью, ожогом на губах, в изменчивости, в измученной вопросах молодости. Я жарко люблю твою боль, и горе, и грязь под ногами. Идешь из читалки, и горячо и ярко блистают в темноте огни университета, а в лужах — звезды.

Звезды — словно грозди, грозди винограда,
налились прохладным соком
и прольются.

В глубине земли перестоявшись,
он поднимется...

Море бьется о теплые скалы.

Жрицы пели в высоких горах, собирали цветы наши девы. Здесь могла зародиться радость. Наша песня о жизни.

— Как у нас весело было! Я помню, как бегала по пригорку в Фестосе. Я еще вернусь в тот дворец. А море у Кносса!.. Дочь моя уезжает на Кефтиу.

— Как, уже? Послушай меня, вы весело живете, я знаю вашу красоту, она такая прихотливая и светлая, — он улыбнулся. — Но вы не ведаете бессмертия, вы слишком легко живете. Только здесь, в Египте, мы знаем... Ты хочешь лишить ее бессмертия? Мы века, тысячу лет думали об этом.

— От того, что вы сохраните мертвое тело, от того, что создадите высокие пирамиды и храмы, вы не найдете цветок бессмертия. В нашем роду не все решают мужчины. Девочка едет на Кефтиу, а я за ней, но позже.

— Когда?

— Не знаю. Что-то меня позовет, быть может, ветер. Я уеду. Ваша песня — о смерти, наша — о жизни. О том, как могла зародиться радость.

На горячие камни летит прохладная пена.

И святая ласка моря.

Волны — словно губы бога.

Как толькоходишь в воду...

— Вы все купаетесь? Уже пора в Кносс.

Играть у берега опасно, тут много тайн. Вдруг выйдет из вод горячий бык? Дыхание его страстно, а взор безбрежен... и ласков.

— А ты все шутишь.

— Скажи, когда ты уезжаешь в Египет?

— Говорят, там очень жарко.

Прохладная пена летит на горячие скалы.

И дотрагиваются волны, словно губы бога молодого, как толькоходишь в воду.

Тогда ей казалось, счастлив ты — значит, ты бессмертен, умрешь — рассыплешься песком, исчезнет все. Но счастье... Ты улыбаешься, египтянин.

Она снова вспомнила свою юность, то, что было перед ее отплытием в Египет.

И воды теплые, и словно в небо плывешь. Юный воин в иноземной одежде, но с волосами, сплетенными по критской моде, засмотрелся, как она купается. Одна из девушек намочила букет лилий в пене прибоя и обрызгала его, воткнув ему в волосы лилию. Две другие тоже подошли и, пока он удивленно смотрел на цветок, дружно толкнули его в воду со скользкого камня, на котором он стоял.

— Страсть становится легкой, если ее окунуть в воду.

— Чего вы все смеетесь? Я поймал быка, я прыгаю через него лучше ваших воинов!

Самая веселая из них, та, которую подруги звали Игруньей, насмешливо вторила ему:

— Лучше многих мужчин... Да знаешь ли ты, чужестранец, — может быть, бог ее целовал! Даже жрецы говорят о ней странно! Где уж тебе!

Он вылез из воды и растерянно стоял, пытаясь отжать могучими руками набедренную повязку, украшенную драгоценными бляхами. Его мощная фигура в сочетании с недоуменным выражением лица вызвала новый взрыв смеха у девушек. Игрунья, дразнясь, пыталась одернуть свою широкую юбку такими же неловкими движениями, как воин.

— Ты знаешь, что такое счастье, как оно пахнет, какой у него вкус и где оно?.. Почему ты опять улыбаешься, египтянин? Я не буду тебя целовать, пока не скажешь.

— Рассказывай и пой мне дальше ваши песни. Они так же прекрасны, как твои волосы в прихотливой прическе, и дивные глаза, и вся ты.

— Нет, не все расскажу я тебе, египтянин.

Тогда она подошла к берегу, обойдя камни, но у воды уже стоял иноземный воин.

— Победитель быка... Ты и сам как бык. Только есть ли у тебя, кроме силы, его высокий божественный дух?.. Дай мне пройти.

— Расскажи, как целуют боги.

— Как волны.

И вдруг он схватил ее. Горячие руки и глухие удары сердца. Он поцеловал ее. Она резко вырвалась, оттолкнула его и быстро пошла прочь. Она шла не оглядываясь, думая, что скоро уедет и такого больше не повторится. Но его поцелуй горел на ее обожженных губах.

Игрунья подошла к воину.

— Нам пора, хоть и хороша эта вилла у моря.

— Я найду ее в Кноссе.

Игрунья покачала головой, улыбнувшись:

— Тебе не пробраться к нам во дворец, иноземец. Лучше возьми наш цветок. Но целуешь ты, видно, не так, как боги...

Он шел один по долине меж гор к Кноссу. Больно и страстно стучало сердце, отдаваясь во всем теле. Хотелось глубже вздохнуть, и в то же время будто не хватало воздуха. Все, что случилось с ним за послед-

ние дни, слилось в одно безудержное желание. Он еще ощущал ее в своих руках, будто обнимал все то, что так дивило его здесь. Это такое непонятное, далекое и чужое — завораживало.

Он вспомнил, как первый раз еще дома увидел их вазу. Она стояла в мегароне. Заметив, как он разглядывает причудливое переплетение извивов то ли линий, то ли цветов и водорослей, старый воин отца со странным ужасом схватил его за руку.

— Бойся! Твой отец не послушал меня и поставил здесь этот пифос. Он слишком гордится своим богатством и любит заморские дары.

— Чего тут бояться? Она прекрасна, как наваждение.

— То-то и оно. Это опасная тайна. Страшно их колдовство. Вот и ты, юноша, ему поддался. Кое-кто и у нас говорит, что перед ней и меч воина, и золото бессильны. Не для того я тебя учил сражаться, чтобы ты, как многие, что жаждут ее узнать, возжелал ее. Не думай об этом.

И уже тогда он захотел к ним поехать. Теперь он победил быка, а потом...

Мягкие склоны гор поросли деревьями. Он смотрел, как ветви шевелятся, шелестят и чуть поблескивают листвой. Глядя на них, хотелось услышать, как боги шепчут слова любви.

Он вспомнил чудные фрески. Увидев их в первый раз, он подошел и, словно замороженный, слегка дотронулся до прекрасной нарисованной девы, подававшей цветы богине. Он водил пальцами по руке и по нежной груди и вдруг услышал смех Игруньи, рядом с которой стояла она. Но самая жгучая и

прекрасная тайна, которая притягивала его, была во дворце, запретном для иноземцев. Там он ее найдет и, прижав к себе, почувствует все это колдовство в своих руках... И какая-то дикая, страстная нежность, от которой хочется кричать, родилась в нем.

«Эвое», — шептали губы.

«Эвое», — кричали руки.

Звонко звезды в небе

отвечали: «Эвое».

«Эвое», — земля прекрасна.

Я пьяна и без вина.

«Так это же их песня!» Неужели ему удастся подглядеть их праздник? Крадучись, прячась за деревьями, он подбежал к роще, где слышались песни и смех, мелькали факелы. Вот редкая удача! В лунном свете девушки в широких юбках плавно двигались, подняв руки к звездам. Он видел их замысловато заплетенные косы, сверкающие камни в волосах, круглые серьги. Иногда проглядывалась белая грудь. Они подбрасывали в воздух цветы и ловили их. Он задохнулся от неутоленной жажды.

Кисти винограда звонко

отвечали: «Эвое».

«Эвое», — земля прекрасна.

«Эвое», — она пьяна.

И цветы, и наши губы —

все сладки и без вина.

Проливают звезды сладость.

И цветы, и пена моря —

отдают святую силу в эту ночь.

ТАЛИСМАН ШЛИМАНА

— Этот наш танец, как он кружит! Тянешь руки вверх... Я помню это чувство, мне казалось, кто счастлив — тот бессмертен. Может, в счастье люди — как боги?.. Ты опять улыбаешься, египтянин.

Благословенна земля, коль ты так прекрасна.

Голоса удалялись — девушки, наверное, уходили в Кносс. А иноземец, так и не посмев к ним подойти, остался в роще, сел в траву и прислонился к дереву.

И вдруг услышал — что-то еще происходит.

— О, боги! Это они разбудили своим танцем!

Тишина ночи дрогнула. Все кругом наполнилось страстным вздохом — цветы, листья, травы. Звезды набухли живительным соком, пролились в черноту земли. Он кожей ощутил стекающую с листьев таинственную силу. Так можно познать великую тайну обнаженного естества — как боги шепчут слова любви...

Вздох ширился, разрастался в ночи, и в нем он слышал:

Я воздух, которым ты дышишь.
Дыхание мое — ветер, вдохни меня!
Тепло мое — солнце,
ветвями деревьев обниму тебя.

Болью моей стань, кровью моей стань,
песней моей стань.
Жжет меня вечная страсть земли,
не разрубить пополам плоть, что срослась в ночи.

Жжет меня вечная страсть земли,
не разрубить пополам плоть, что срослась в ночи.
Губы мои — твои, тело мое — твое,

счастье мое — с тобой.

Иди ко мне, землей заклиная черной,
рождающей, вечной!

Водой заклиная — иди!

Между деревьями он увидел Игрунью. Она шла, дотрагиваясь рукой до яркого ожерелья на груди, а в другой несла большую охапку цветов.

— Что это? Я слышал песню или заклинание?

— Ну, может быть, это пел бог.

— Бог или пастух в горах?.. Скажи, ее любил бог или пастух? Ваши принцессы ведь могут встречаться с кем угодно.

Игрунья лукаво пожала плечами:

— Кто может запретить красавице встречаться с богом или пастухом в такую чудную ночь?

— Где она? Я хочу ее найти.

— Ищи.

Игрунья побежала туда, где громадою чернел дворец, и он тоже медленно пошел к нему. Он даже не видел стражей, им будто и не надо было охранять дворец снаружи, ведь разве кто-нибудь, кроме него, осмеливался на это? Луна то показывалась, то скрывалась за облаками. Причудливый дворец возвышался перед ним так странно: террасы с колоннами, портики, балконы то поднимались, то опускались неровными рядами; плоские крыши громоздились одна над другой, освещаясь лунным светом или вдруг темнея. И не в силах побороть влекущее волнение, воин вступил на лестницу.

Он поднимался по тихим ступеням Дороги Процессий и наконец встал перед дворцом. Он еще коле-

бался. Ему страстно хотелось пробраться в глубь этих покоев, запретных для иноземцев. Он не сомневался в силе своих рук — не побоялся же он когда-то быка, — но тайна...

Он вдруг подумал, что, идя тем путем, которым пускают в тронный зал всех, и иноземцев тоже, не найдет то, что ищет. Сбоку он увидел широкую террасу с колоннами и прыгнул на нее. Каждая колонна расширялась кверху, и только с его ловкостью можно было залезть на крышу террасы.

Рядом располагался балкон с еще одной крышей с каменными рогами, которым здесь так страстно поклонялись. Он пробрался к ним и на мгновение замер. Дотронулся до рогов и испуганно отдернул руку. Они зашевелились и стали горячими. Тогда воин вынул из волос цветок и положил его на рога. Они вновь остыли и стали неподвижны. Даже их священный бык любит цветы... или это почудилось, помешалось?

Глубина дальних комнат властно его манила. Ухватившись за рога рукой, он раскачался, прыгнул и оказался на другой террасе. Сейчас он попадет в самое сокровенное место... И правда, терраса вела в маленькую комнату, а за ней была широкая лестница, откуда доносился странный горячий запах. Он побежал по ступеням. Внезапно лестница кончилась, и перед ним оказался большой зал, в конце которого еще несколько ступеней вели вниз.

Это было их тайное святилище. Такую же комнату он видел в тронном зале. Тогда он заметил, как человек спускался по лестнице вниз, но что там, осталось ему неизвестно. Он увидел сосуд чудной красоты,

в нем курились какие-то благовония, загадочный запах которых он как раз и почувствовал на лестнице. Иноземцы называли это «бассейном для очищений». На возвышении стоял лабрис. Ему захотелось дотронуться до этого священного топора, но, вспомнив рога, он удержался.

Постоял, не зная, что делать и чего ждут от него боги, и, подумав, что сюда могут прийти жрецы, поднялся по ступеням, прошел по залу, потом по узкому коридору, по маленькой боковой лестнице и очутился в новом месте. Тут спал, безмятежно храпя, слуга. Им совсем не приходило в голову, что кто-то может пробраться в этот дворец-лабиринт. А может быть, они были уверены — оказавшись здесь, чужестранец никогда не выберется обратно («Из нашего лабиринта ты не найдешь выхода», — говорила Игрунья). Однако, что же этот спящий тут охраняет? Коридор довольно длинный...

И вдруг сверху просочился лунный свет. Сквозь дыру в потолке, словно из колодца, он увидел небо. Но он не удивился — они здесь много чего диковинного придумали.

Он вошел в маленькую комнату. «Это же ванная!» На полу еще было мокро, ароматно пахло. В той вилле, где он остановился, тоже была подобная, правда, не столь красивая. Вообще-то как воин он не понимал таких изысков, но сейчас, почувствовав, что взмок от круженья по запутанным переходам, он зачерпнул воду, еще остававшуюся на дне ванны, и умыл лицо, пригладив руками волосы. Ах, надо сказать, чарующий аромат у их дев, на его родине такого не почувствуешь. Какие-то лепестки плавали в воде,

он ощутил их запах на своей коже. Однако же не за тайной изысканных ароматов он сюда пробрался. Кругом стояли маленькие вазы и кувшины. В один он засунул палец, поднес к носу, и будто целый луг цветов дыхнул на него.

Он пошел дальше. Впереди увидел огонек... Вдруг это она зажгла? Но даже если и она — для него ли? Может, она любит бога? Он остановился. То оказался светильник, освещавший фреску — грациозная богиня среди цветов и зверей чем-то неуловимо была похожа на нее. Может быть, странными чудными глазами. Или этим легким жестом. Девы в его стране не умеют так подавать ожерелье. У них бы это получилось либо слишком величественно, либо неловко. Неужели Игрунья права и ее в горах обнимал бог? И он, еще юный воин, ощутил в груди огромную силу. Он пылал возмущением, был готов пробить стены, чтобы овладеть той, что так беспечно уезжала в Египет. Жгучее раздражение от этой певучей красоты охватило его, пока он смотрел на богиню в цветах. Найти, схватить, подчинить эту неуловимую беспечность, этот смех!

Он бросился бежать со всей своей, как говорила Игрунья, иноземной силы по темному коридору, с размаху ударился о каменный выступ, вновь побежал, петляя по переходам, в своем юном нетерпении натываясь на стены, и ему все казалось, что он видит, как впереди что-то светится. Дворец таил неведомое. Вот лестница, она шла вниз, вниз, а там...

На возвышении стояли темные священные статуэтки. Жены или девы держали змей, те обвивали их руки. Эти маленькие богини показались ему злове-

щими, будто что-то пророчили, может быть, великое или страшное. Он не жрец, ему не понять, что они хотят сказать, и их черные тайны не нужны ему сейчас. Жаркая кровь стучала в его юном сердце, он снова ощутил, как прижимает к себе ее грудь под тонкой мокрой рубашкой. Когда он ее целовал... что за трепет был в ее губах? Вот что он хотел сейчас узнать у темной богини! Это было ему важнее тайны земных недр, что выпытывают здесь жрецы. Ему нужна она, лишь она!

И он снова поспешил по извилистому коридору. Комнаты, лестницы, переходы попадались ему на пути. Неужели она не чувствует его желания? Может, все же она разожгла огонь, что вновь так странно мерцает вдали? Дворец таил неведомое.

Внезапно он ощутил, что потерял путь, запутался. Будет позор, если утром они его найдут и так презрительно посмотрят на него, которому недавно рукоплескали после игр с быком и который не захотел мириться с тем, что не отдали ему добровольно, а ночью пробрался, как вор, чтобы добиться этого силой. И дворец не отдал ему своих тайн, заморочил. Он представил себе лица жрецов и ее недоуменный взгляд. Это хуже казни, хуже, чем смотреть в глаза дикому быку. И все же он не чувствовал себя виноватым, ибо страсть, казалось, давала ему право добиваться этой красоты так, как он хочет. Но утренний позор будет страшнее быка-прародителя, который, говорят, бродит здесь по ночам. Лучше встретиться с ним, чем дать себя заморочить этому дворцу.

Он отбросил ставший ненужным меч, сел на холодный пол, обхватил голову руками и почувствовал

дрожь. Тогда вдруг он вспомнил беспечную богиню на фреске и ее беспечно-щедрую, не ведающую терзаний улыбку. Он взмолился: «Помоги мне, ты, которую воспевают в цветах и травах у моря! Я могу сражаться голыми руками с быком, мечом — против воина, а какое есть оружие против тебя? Ты заколдовала этот дворец. Может, нужны те топорики, которым поклоняются в лабиринтах? Чем мне сражаться?!» И тут, желая поднять отброшенный меч, он нащупал что-то мягкое на скользком полу и в пробившемся сверху лунном свете увидел, что это... лилия. Чуть дальше впереди лежали другие лепестки. Схватив цветок, он побежал по этому зыбкому следу. Он вспомнил, как часто гадали их девы, обрывая лепестки у цветов.

В слабом свете он разглядел развилку коридора, на миг засомневался, куда идти, но лепесток лежал по правую руку. И он поблагодарил беспечную богиню. Пройдя несколько шагов, он вдруг снова увидел ее изображение, у которого уже был раньше. Она, казалось, смеясь, шептала: «Вот оно, мое оружие. Держи его. Оно легче, чем твой меч, но, право, его запах лучше, а вид приятнее».

Он осмотрелся, все еще не веря, что избежит позора и найдет выход, и тут заметил Игрунью, обрывающую последние лепестки у цветов. Еще один букет лежал около богини.

— Что с тобой? Где ты нашел мою лилию? Ты очень рискуешь. В самом деле, если вдруг тебя обнаружат здесь... — Она подошла ближе и, посмотрев ему в лицо, расхохоталась: — Видел бы ты себя, великий воин! Зубы скрежешут, глаза горят, лицо красно...

Он отвернулся, а она вдруг с жалостью взяла его за руку.

— Ты так ничего не поймешь и не узнаешь счастья. Посмотри, какое ожерелье подарил мне друг. Он не бегал за мной по закоулкам дворца, я сама подала ему руку.

Ожерелье и вправду ярко блестело на ее шее. Но еще ярче казались ее веселые губы и счастливые глаза.

— Послушай, Игрунья, мне кажется, ты можешь быть добра и понять чужеземца. За что все это со мной происходит? За что мне такое унижение? Ее вправду любит бог?

— Пойдем, я выведу тебя отсюда... Мы все добры. Ты когда-нибудь поймешь. Ты нашел путь к богине по случайным цветам. Эта ночь к тебе благосклонна. Ты скоро почувствуешь это. Что нас ждет, кто знает? Ты уедешь, она уедет. Но вокруг Кносса цветут цветы. И меня ждет мой друг. Пойдем скорее, любитель лилий.

И когда выбрался на террасу, с наслаждением вдохнул воздух, напоенный цветами, вдруг, несмотря на все, он почувствовал радость.

По вечерам стоял темный густой воздух, раздавался звон цикад.

Сегодня за обедом Таня, очаровательная молодая девушка (ей пятнадцать лет, она радуется всех в нашем отеле у моря), сказала:

— Что это меня глюки мучают? Мне кажется, что все это уже было, мы так же сидели, о том же говорили...

— Такое бывает, это что-то типа реинкарнации, когда вспоминаешь прошлое, — заметила светло-волосая дама, моя соседка, пробуя терпкое местное вино.

— А я вот думаю, что ей видится то, что будет.

— Пророчица?

— Не совсем.

— Александр Владимирович, а здесь были свои вещуны?

— Наверное. Мы мало чего знаем. Минойская цивилизация существовала тут еще раньше, чем Кассандра и пифии в Дельфах.

— Это про Кассандру рассказывается в мифах, что она после взятия Трои жила с воином?

— Да, она стала наложницей царя Агамемнона. Их потом обоих убила жена Агамемнона, Клитемнестра.

— Я бы не хотела такого конца, как у нее, я бы убежала.

— Я чувствую, что наша пифия уже совсем перегрелась на солнце, — заметила Танина мама.

— Александр Владимирович, у вас тоже плечи покраснели. Пойдете завтра с нами на пляж? Или вы опять на раскопки?

— Смотрите, дождь пошел.

— Говорят, здесь это редкость.

— Вы куда, Александр Владимирович?

— Пойду погуляю, посмотрю на дождь. Он и правда здесь редко бывает.

Дорожку, ведущую от отеля к морю, окружали кусты и цветы. Наверное, меня тоже начали здесь

мучить эти самые глюки. Я смотрел, как на хрупких ветках сверкают капли, как драгоценные камни в волосах самой тонкой и большеглазой девушки. И мне вспомнилась юношеская мечта. Когда же я это представлял себе, в школе, в университете? Я смотрел на мокрые листья и чувствовал: у нее должны быть таинственные, глубокие, мерцающие, как эти капли, глаза. И хотелось задать детский вопрос: «Как имя твое?»

В таком расслабленном состоянии я вышел к морю. Дождь внезапно прекратился. Море у ног осторожно, мягко дотрагивалось до берега, как женские руки. Я сел на лежак у самого прибоя. Он шумел, разлеталась пена. Что-то странное пришло на ум: «Ты, море теплое и доброе. Ты, начало цивилизации. Ты, создавшее красоту. Дай нам...»

И пришло чувство нежности. Оно было пугающе тихим. И снова приобрело свой смысл все в мире. Боль, ложь, начальники, деньги, мой давний безрадостный брак, одиночество, дальняя поздняя любовь, редкость встреч с ней и с моей внучкой. И я впустил в себя это море, цикад, серебристую пену на волнах, ступени разрушенных дворцов, вечернюю музыку. Они захлестнули весь осадок непонимания. В душе шаг за шагом стало восстанавливаться разрушенное единство. Гармония мира возвращалась трепетно-живой, юной. Я вдруг ощутил, что мир ко мне добр, величественно добр, как это море. Более того, он великодушен и щедр. Это истинно, и все истинно. И все ошибки, горе и обиды, как старые листья на стебле, были такими до боли человеческими ошибками.